

Правовая культура и институциональная среда российской диаспоры в Маньчжурии (1896–1950-е гг.)

Андрей Викторович Друзяка

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия, druzyaka12@mail.ru

Аннотация. В статье представлена краткая характеристика российской правовой культуры, сложившейся в процессе адаптации российской диаспоры в Маньчжурии, и её роль в формировании особой институциональной среды, способствовавшей социально-экономическому развитию региона. Рассмотрены основные черты действовавшей в полосе отчуждения КВЖД институциональной правоохранительной и правозащитной системы, этапы её деятельности и трансформации, отношение к ней российской диаспоры, местных властей и населения.

Ключевые слова: Маньчжурия, КВЖД, Харбин, диаспора, правовая культура, юрисдикция, общественно-правовые институты, органы юстиции, институциональное пространство

Работа выполнена при поддержке внутреннего гранта БГПУ "Исследование регионального гуманитарного сотрудничества России и сопредельных государств (КНР, КНДР)".

Для цитирования: Друзяка А. В. Правовая культура и институциональная среда российской диаспоры в Маньчжурии (1896–1950-е гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 4. С. 65–76.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/65-76>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/65-76>

Legal culture and institutional environment of the Russian diaspora in Manchuria (1896–1950s)

Andrey V. Druzyaka

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia, druzyaka12@mail.ru

Abstract. The article presents a brief description of the Russian legal culture that developed in the process of adaptation of the Russian diaspora in Manchuria and its role in the formation of a special institutional environment that contributed to the socio-economic development of the region. The main features of the institutional law enforcement and human rights system operating in the alienation zone of the CER, the stages of its activity and transformation, the attitude of the Russian diaspora, local authorities and the population towards it are considered.

Key words: Manchuria, CER, Harbin, diaspora, legal culture, jurisdiction, public and legal institutions, justice authorities, institutional space

The research was carried out with the support of an internal grant from BSPU, "A Study of Regional Humanitarian Cooperation between Russia and Neighboring States (the PRC and the DPRK)".

For citation: Druzyaka A. V. Legal culture and institutional environment of the Russian diaspora in Manchuria (1896–1950s) // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 65–76.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-4/65-76>

Опыт "жизнестроительства" российской диаспоры в северо-восточной Азии является важной частью общемировой и национальной истории, а исследование этапов развития правовой культуры российской общины в Маньчжурии имеет научную и практическую значимость для истории взаимоотношений России и Китая, способствует пониманию особенностей взаимного восприятия наших народов. Научная актуальность темы дополняется необходимостью изучения влияния правовой культуры на культурную идентичность российского населения и на быт диаспоры, вынужденной быстро адаптироваться под воздействием кардинальных перемен юрисдикций, происходивших в исследуемый период.

В многообразии терминологических определений понятия "правовая культура" одновременно характеризуется и как особая форма индивидуального и коллективного сознания, и как совокупность соответствующих навыков и процедур, и как конкретная система правоохранительных и правозащитных органов, правовых норм, форм и институтов. При исследовании правовой культуры определённого социума (как устойчивой общности людей, характеризующейся единством условий жизнедеятельности и общностью культуры), важное значение имеют ключевые критерии в виде наличия функционирующей и насыщенной институциональной среды, представленной общественно-правовыми институтами, правоохранительными органами и органами правосудия, востребованность правовых процедур, отношение населения к

деятельности правоохранительных и судебных органов, восприятие и поддержка правовых институтов обществом.

Институциональная среда в самом общем виде представляет собой совокупность общепринятых организаций, правил, норм и санкций, определяющих рамки взаимодействия между людьми в политической, экономической и социально-гуманитарной сферах. Формальные нормы представлены законодательными и властно-распорядительными актами, а неформальные – сложившимися в обществе обычаями, традициями и привычками, поддержанными большинством социума.

При исследовании развития правовой культуры в связи с изменениями, происходившими в жизни российской диаспоры в Маньчжурии, возможен междисциплинарный подход, основанный на методах и подходах региональной и институциональной истории, истории права, социальной психологии, с использованием понятийного анализа, историко-хронологического и историко-системного методов.

В работах, посвящённых процессу формирования системы российских административных и правовых органов в полосе отчуждения КВЖД и в Харбине, представленных в отечественной историографии, достаточно глубоко исследованы трудности осуществления российской юрисдикции в Маньчжурии. В фундаментальном труде "Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923" Е. Х. Нилус одним из первых в отечественной историографии описал условия, связанные с учреждением российских органов правосудия, деятельностью в Маньчжурии Пограничного окружного суда и его упразднением. Как очевидец и современник событий, он достаточно точно охарактеризовал настроения, имевшие место в общественном сознании диаспоры и дал оценку политическим ошибкам, допущенным при учреждении российских судебных органов в полосе отчуждения дороги [13].

Наиболее ценными для понимания особенностей менталитета и общественных настроений российской диаспоры являются работы русских харбинцев Г. В. Мелихова, Е. П. Таскиной и других авторов, описывающих явления и события её жизни "изнутри", с точки зрения личного восприятия [16; 26]. В публикациях Н. Н. Аблажей, Н. Е. Абловой, В. Г. Дацышена, С. В. Смирнова, А. А. Хисамутдинова и других авторов исследованы различные исторические события и явления, формировавшие институциональную среду российской диаспоры, выделены причины, условия, этапы и аспекты различных социальных и политических процессов, происходивших в её среде [1; 2; 10; 12; 24]. В работах большинства современных исследователей "русский" Харбин предстаёт как уникальный, "полифоничный", открытый мультикультурный социум, сформировавшийся под воздействием разнообразных влияний, однако при этом сохранивший свои глубокие национальные корни, традиции и национально-культурную идентичность [12; 14].

В работах, посвящённых формированию российской системы административно-властных органов в Маньчжурии, достаточно внимание уделено становлению правоохранительных структур. В публикациях В. П. Казанцева, Я. Л. Салогуб, Ф. А. Попова, С. В. Чечелева рассмотрены условия, трудности и особенности создания и функционирования органов российской юстиции в Маньчжурии [18; 21; 22; 23; 30]. Деятельность эмигрантских организаций и объединений в условиях японской оккупации, их место в правовом пространстве Маньчжурии, рассмотрены в работах Е. Е. Аурилене, М. В. Кротовой, И. В. Потаповой [3; 4].

Исходя из того, что событийная часть истории русской диаспоры в Маньчжурии достаточно глубоко, подробно и всесторонне описана, современные исследователи концентрируются как на обобщении и интерпретации фактов, процессов, биографий, наиболее значимых явлений социально-экономической и культурной жизни и их специфики, так и на детальном анализе отдельных персоналий и общественных институтов.

Внимание исследователей привлекают политические, административно-властные и правовые условия формирования российской диаспоры, режимы гражданства и подданства её представителей, особенности изменения правового статуса россиян в Маньчжурии в период 1917–1930-х гг. В соответствии с этими условиями формировались жизненные стратегии и адаптационные практики русских иммигрантов, обусловленные необходимостью выбора либо

репатриации в СССР, либо проживания в Маньчжурии и реэмиграции в третьи страны [1; 5; 15; 24; 29].

Публикации, посвященные развитию правовой науки и образования в рамках Юридического факультета в Харбине, сформировали отдельное направление научных исследований. Работавшие на факультете выдающиеся русские учёные-правоведы Н. В. Устрялов, Н. И. Никифоров, В. А. Рязановский, Г. К. Гинс, М. П. Головачёв и их научно-образовательная и просветительская деятельность сыграли особую роль в формировании правовой культуры в Маньчжурии, в подготовке местных квалифицированных кадров, в развитии русской научной школы юриспруденции [28; 31]. Вместе с тем, в терминологическую трактовку и в общую коннотацию понятия "русский юрист" зачастую не включены юристы-практики, служившие в Маньчжурии при различных юрисдикциях, то есть профессиональные правоприменители, сотрудники судебных, правоохранительных и правозащитных органов.

История отдельных общественно-правовых институтов и органов юстиции привлекает внимание исследователей, однако число публикаций по этой теме по-прежнему остаётся минимальным. Необходимо отметить, что значение российской правовой культуры в формировании в Маньчжурии особого институционального пространства, позволившего создать достаточно устойчивую социальную общность в лице российской диаспоры, остаётся актуальным и недостаточно изученным.

В жизни русской диаспоры в Маньчжурии важное значение имела правоохранительная деятельность полиции, юрисконсультов КВЖД; особую роль в обеспечении законности и правопорядка играли учреждения юстиции в лице Порт-Артурского и Пограничного судов, органы мирового суда, судебных приставов, адвокатуры, нотариата. Источниками исследования их деятельности являются опубликованные официальные документы [8; 19; 20], справочные издания, адресные книжки [6; 7], документальные фонды центральных и региональных архивов, отдельные документы из частных коллекций и ведомственных архивов России и КНР.

Среди них фонд министерства юстиции Российской империи (РГИА. Ф. 1337)¹, фонд Китайской Восточной железной дороги (РГИА. Ф. 323), Бюро российской эмиграции в Маньчжурии (БРЭМ), в котором отложились личные дела эмигрантов, среди которых деятели юстиции, профессиональные юристы и правоведы (ГАХК. Ф.Р-830. Оп. 1–3)².

Русская правовая культура ярко отразилась в деятельности многочисленных корпоративных и правозащитных объединений. Так, в фонде Харбинского общества землевладельцев и домовладельцев (г. Харбин, 1927–1944 гг.) содержатся сведения о деятельности юридического отдела, обеспечивавшего правовую защиту и консультирование вначале только российских, а затем и китайских собственников недвижимости (ГАХК. Ф. Р-1126). В имеющемся в ГАИО фонде Иркутской судебной палаты содержатся документы Пограничного окружного суда, позволяющие сделать выводы как о потребности населения Маньчжурии в правовом регулировании, так и о имевшихся трудностях в формировании системы правоохранительных органов (ГАИО. Ф. 246)³.

Общественное мнение и оценка фактов и событий, их интерпретация в настроениях, индивидуальных оценках и коллективных отзывах, отразились в воспоминаниях русских харбинцев, газетных и журнальных материалах, содержащих оценки событий криминальной и судебной хроники, изменения законодательства и решения органов управления. Об общем состоянии правовой культуры, в том числе на уровне массового, обыденного сознания, могут свидетельствовать, например, статьи и заметки в харбинских периодических изданиях, таких как "Гун Бао", "Дальний Восток", "Заря", "Новости жизни", "Харбинский вестник". В духе того времени, наряду с официальной информацией в городских газетах нередко присутствовали различного рода домыслы, слухи и оценочные суждения, ярко отражающие общественные настроения накануне или в период важнейших изменений в жизни эмигрантов.

¹ РГИА – Российский государственный исторический архив

² ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

³ ГАИО – Государственный архив Иркутской области

В данной публикации в общем контексте истории русской общины выделены 6 этапов изменений юрисдикций и трансформации общественно-правовых институтов, обеспечивавших безопасность и развитие диаспоры, сделаны выводы о причинах их устойчивости и их воздействии на адаптационные стратегии иммигрантов. Различные периодизации истории русской диаспоры в Маньчжурии прямо связывают этапы её развития с ключевыми политическими событиями, проходившими как в центральных районах России и Китая, так и непосредственно в самой Маньчжурии [24, с. 49–65]. Определяющее влияние на быт, общественные настроения и политические ориентации российской диаспоры, а также на уровень правовой культуры оказывали международная и внутривластная обстановка и смена политических и административно-правовых режимов в Маньчжурии.

1-й этап (1896–1901 гг.) Раздельно-смешанная административно-судебная юрисдикция управления строительства дороги и местных чиновников Маньчжурии. Начальный этап русской правовой культуры в Маньчжурии был ознаменован становлением в полосе отчуждения КВЖД институциональной основы российской правоохранительной системы, складывавшейся в соответствии с международными и двухсторонними договорами и правовыми прецедентами. Насущной необходимостью обустройства правового быта арендованных территорий в Китае стало формирование системы действующих правовых институтов, способной обеспечить их безопасность и развитие. Массовое переселение подданных Российской империи в Маньчжурию, появление и развитие новых станций и городов, развитие здесь новых отраслей экономики требовало не только современного и эффективного дипломатического и военно-политического обеспечения, но и создания особых правовых гарантий, понятных и приемлемых для большинства населения полосы отчуждения КВЖД.

На арендованных в 1896 г. территориях полосы отчуждения КВЖД была образована русская колония-сэттльмент [21, с. 452]. Её правовой режим был основан на договоре концессии и Уставе КВЖД [8, с. 749–757]. Правовой статус иностранцев, в соответствии с Тяньцзиньским договором, был основан на экстерриториальности [20]. Для рассмотрения споров и дел с участием подданных Цинской империи и иностранцев, было создано особое смешанное присутствие из представителей Управления строительства КВЖД и местных цинских чиновников (РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1253. Л. 120–124).

Характер административно-правового управления Маньчжурией был, прежде всего, обусловлен разностью правовых культур России и Китая той эпохи. В России в исследуемый период уже действовала европеизированная правовая система и активно шло формирование прогрессивных для того времени общественно-правовых институтов, в то время как административно-правовая система цинского Китая всё ещё имела феодальный характер, основанный на произволе местных правителей – амбаней, одновременно выполнявших военно-административные, судебные и карательные функции [9, с. 252–260].

В 1898 г. в арендованной у Цинской империи Русской Квантунской области был официально учреждён Порт-Артурский окружной суд [17, с. 66; 23, с. 59]. Для России это был первый колониальный судебный орган, который хоть и был подведомствен Иркутской судебной палате, но осуществлял юрисдикцию за границами метрополии [30, с. 17]. Местное китайское население по-прежнему оставалось в ведении цинских административно-судебных органов, однако постепенно включалось в действовавшую в России систему налогообложения и правового регулирования [6, с. 768; 17, с. 40–42]. Раздельно-смешанная юрисдикция в Маньчжурии сохранялась вплоть до 1920 г., однако в отношении русских иммигрантов применялись нормы российского законодательства, пока режим экстерриториальности не был отменён властями Китайской республики.

2-й этап (1901–1917 гг.). Русская имперская юрисдикция в Маньчжурии. 20 июля 1901 г., после взятия под контроль русскими войсками в ходе подавления восстания "ихэтуаней", не опубликованным указом Николая II, участки полосы отчуждения КВЖД были включены в ведомство Читинского и Владивостокского окружных судов Иркутской судебной палаты, а с 1902 г. на них была распространена российская юрисдикция (ГАИО. Ф. 246.

Оп. 2. Д. 13. Л. 1–4). Северная Маньчжурия в районе железной дороги в этот период фактически уже представлялась заграничной частью России – "Заамурской губернией", "Жёлторосийей", "Счастливой Хорватией", в которой действовали все привычные российский государственные органы и общественно-правовые институты управления – вооруженная пограничная стража, полиция, суд, уголовно-исполнительная система наказаний, городское самоуправление, система общественных и корпоративных объединений, а также система образования, конфессиональные учреждения и культурная среда, воспроизводившие порядок жизни метрополии. Открытый режим границы и трансграничное железнодорожное сообщение, общий рынок ресурсов, труда и капитала формировали общее социальное и экономическое пространство России и Китая в Маньчжурии. Действовавший здесь порядок назначения и ротации государственных служащих и регламенты организации деятельности официальных учреждений фактически не отличались от общероссийских норм и регламентов. В представлении эмигрантов жизнь в Харбине мало отличалась от жизни в любом другом городе в азиатской части России.

После того, как российская экспансия в Корею столкнулась с интересами Японии, противостояние в русско-японской войне закончилось утратой Квантунской области, Порт-Артура и южной ветки КВЖД. 2 февраля 1906 г. именным императорским указом Порт-Артурский суд был упразднён и из состава его членов был учреждён Пограничный окружной суд в составе Иркутской судебной палаты (РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1253. Л. 12). При этом, как отмечает Е. Нилус, управляющий КВЖД Д. Л. Хорват некоторое время не предоставлял ему помещения, в результате чего состав суда проследовал из Порт-Артура в Читу, затем вернулся в Харбин, где был размещён в здании Управления дороги [13, с. 555].

Период развития российской правовой культуры 1901–1918 гг. был отмечен военно-политическим и административным доминированием Российской империи в северной Маньчжурии. Несмотря на то, что аренда полосы отчуждения КВЖД, в отличие от аренды Квантунской области, первоначально имела частный, коммерческий характер и не имела твёрдой основы в межгосударственном соглашении, здесь было фактически легализовано действие российских правоохранительных органов и системы законодательства, сформировавших институциональную среду русской диаспоры.

3-й этап (1918–1920 гг.). Автономия вне государственной юрисдикции.

Данный период, по нашему мнению, может быть признан одним из уникальных в истории российского права. Пограничный окружной суд в Харбине в эти годы оказался единственным российским органом юстиции, который не только действовал за пределами метрополии, но и функционировал "автономно", вне какой-либо национальной юрисдикции. Российский Минюст был упразднён как орган центральной власти в 1918 г. Иркутская судебная палата со всеми её установлениями и окружными судами, действовавшими от Забайкалья до Владивостока и Харбина, после начала Гражданской войны утратила легитимность, и после вытеснения войск Колчака из Сибири была аннулирована советскими властями 6 февраля 1920 г.

В то же время, период 1917–1920-х гг. в Маньчжурии был отмечен новым всплеском бурной деловой активности, связанным с потоками беженцев и капитала из нестабильной и охваченной войной восточной части России. Харбин стал своего рода региональной деловой и финансовой "гаванью", в которую быстро стекались сибирские и дальневосточные активы и ресурсы. Здесь же нередко принимались решения о переделе собственности, изменении уставного капитала товариществ, включении в их состав новых членов. И городские, и китайские провинциальные, и центральные власти были крайне заинтересованы в сохранении общественной стабильности и обеспечении правопорядка и управляемости происходивших социальных и экономических процессов.

После того как 23 сентября 1920 г. в Китае был отменён правовой режим экстерриториальности иностранцев, решением Чжан Цзолиня от 1 октября 1920 г. Пограничный окружной суд в Харбине был принудительно закрыт. Процедуру закрытия суда Е. Х. Нилус описывал как вооруженный силовой захват [13, с. 565]. Формально данное действие являлось абсолютно

правомочным, и в той же степени логичным и обоснованным, так как устраняло затянувшуюся "автономию" суда и переводило правоприменение из уже не существующего имперского правового поля России в правовое поле Китая.

При этом в общественном сознании Харбина в этот период царила полная неопределённость. Высказывались разноречивые мнения, например, о том, будут ли теперь иностранцы подлежать публичным телесным наказаниям в соответствии с действовавшими нормами китайского уголовно-исполнительного права, в какой форме будет осуществляться правосудие, кто будет обеспечивать законность и порядок в полосе отчуждения КВЖД.

Действие российской юрисдикции в Маньчжурии было прекращено в октябре 1920 г., вместе с тем, отдельные правовые институты и органы юстиции "по инерции" продолжали здесь функционировать на основании российских правовых норм. В частности, к таким институтам можно отнести русский нотариат, действовавший в Харбине на основе российского Положения о нотариальной части 1866 г. вплоть до середины 1940-х гг. [11, с. 123–124].

4-й этап (1920–1932 гг.). Российское правосудие в китайской юрисдикции.

1 октября 1920 г. в соответствии с декретом Президента Китайской республики, в полосе отчуждения КВЖД была установлена юрисдикция окружного суда Особого района восточных провинций Китая (ОРВП), предназначенного для судебной защиты русской диаспоры. Принципиально новые судебные органы отличались подчинённостью китайской судебной палате и Верховному суду в Пекине, при этом без изменения остались границы судебных участков, компетенции судей и органов прокурорского надзора. Несколько изменились процессуальные требования гражданского и уголовного судопроизводства, которые были адаптированы к новым условиям. В частности, в составе судебных установлений появились новые должности китайских "кураторов" – драгоманов.

Ключевые принципы и нормы судопроизводства, правовые институты, гарантии для российских эмигрантов были в целом сохранены в привычном для них виде. Процессуальные нормы и регламенты были изменены в целях установления над ними контроля местных китайских властей, однако правовая база регулирования ключевых правоотношений была оставлена без изменений и со временем лишь дополнялась и усовершенствовалась в процессе интеграции и имплементации различных норм. В юридической практике имели место прецеденты совмещённого применения как дореволюционных российских, так и некоторых советских законов, а также китайского законодательства, локальных правил и регламентов КВЖД, местных обычаев и действующих норм международного права [4, с. 98; 5, с. 63].

Востребованность правовых процедур у населения и организаций в этот период оставалась очень высокой. В частности, высок был запрос на закрепление и защиту прав собственности в сфере земельных, гражданских отношений. В Харбине активно действовали корпоративные, биржевые, коммерческие и промышленные союзы, ассоциации и объединения.

Городское "Общество Землевладельцев и Домовладельцев" в 1921 г. насчитывало до пятисот членов. 23 октября 1925 г. оно получило новое название – "Харбинское Общество Русских и Китайских Землевладельцев и Домовладельцев", и объединяло как русских, так и китайских собственников недвижимости. В 1930 г. количество его членов достигло 1117, а в 1936 г. было рекордным – 1188 человек (ГАХК. Ф. Р-1126. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–9).

Учёт интересов русского населения прослеживается в сохранении русского представительства в Харбинском общественном управлении, в деятельности многочисленных общественных организаций, ассоциаций и объединений. Русские эмигранты, получившие китайское гражданство, имели право служить в китайской полиции и в армии, занимать другие должности в сфере местного и государственного управления [24, с. 55]. Правозащитные функции по-прежнему оставались в ведении коллегии присяжных поверенных – адвокатов, которые были обязаны пройти регистрацию в Минюсте Китайской республики. В Харбине в дополнение к действовавшим нотариальным конторам появились конторы китайских нотариусов. По данным справочных изданий Харбина, в 1925 г. в городе были зарегистрированы в качестве адвокатов 82 русских юриста, 6 входили в состав Президиума комитета присяжных

поверенных ОРВП. Вместе с тем, должности председателя суда и судебной палаты, судей и прокуроров, драгоманов всех учреждений юстиции, в которых работали российские юристы, занимали китайские подданные [7, с. 50–75].

Вплоть до 1932 г. шёл процесс постепенной "китаизации", то есть усиления административно-правового и налогового контроля над жизнью диаспоры, без кардинальных изменений привычных жизненных устоев и институциональной основы. Подогреваемые властями противоречия в общественной жизни Харбина носили ярко выраженный политический характер, основанный на гражданском противостоянии советских "красных" и "белых" эмигрантов.

Отношение местного китайского и маньчжурского населения к русской правовой культуре оставалось нейтральным: китайские граждане, например, активно пользовались нотариальным засвидетельствованием сделок с иностранцами, с пониманием относились к фиксации гражданско-правовых актов, действий и состояний. Вместе с тем, как представляется, в массовом общественном сознании китайского населения присутствовало в целом скептическое отношение к действовавшему праву и правоохранителям, которых, как и других чиновников, необходимо было чтить, но лучше, по возможности, держаться от них подальше. Во многом это отношение определялось различиями в правопонимании и в целом особенностями китайской правовой и культурной доктрины, основанной в основном на неформальных нормах, обычаях и традициях конфуцианской благодетели и справедливости [25, с. 12]. Локальные культурные противоречия между российскими и китайскими жителями Харбина, тесно взаимодействовавшими здесь после 1901 г., не имели характера острого противостояния [10, с. 88–90].

5-й этап (1932–1945 гг.). Японская оккупация и юрисдикция Маньчжоу-Го. Новый этап был ознаменован политическими изменениями 1930-х гг., связанными с японской оккупацией Маньчжурии и созданием марионеточного государства Маньчжоу-Го, столица которого была перенесена в Чанчунь, в связи с чем Харбин утратил своё центральное административное значение. Важнейшим событием, кардинально повлиявшим на положение советской части диаспоры, стала продажа КВЖД Японии в 1935 г. и последовавшая первая массовая репатриация советского населения из Маньчжурии [1, с. 104, 111].

Деятельность судебных органов в Маньчжурии в этот период мало изменилась по сравнению с предыдущим периодом "китаизации". Напротив, в этот период, на наш взгляд, наметилась тенденция возврата к старой, классической русской документальной формалистике и регламентации правовых процедур. Так, в формулировках и в атрибутике юридически значимых нотариальных документов 1920–1930-х гг. – доверенностей, договоров, завещаний, – отмечается подчёркнуто "дореволюционная" российская формальная стилистика и орфография. Примером такого документа может являться доверенность на представительство интересов в суде, выданная в 1928 г. юрисконсульту КВЖД, гражданину СССР В. Б. Разумовскому [РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 691. Л. 46–46 об.].

По всей видимости, это не было продиктовано процессуальными требованиями, а подчёркивало формально-атрибутивную неизбежность правовых основ, потребность в которой проявлялась в правовом сознании российской диаспоры. С другой стороны, это могло являться своеобразной формой протеста против любых "революционных" советских изменений, потравивших в этот период метрополию, и принципиальным стремлением отделить жизнь диаспоры от этих изменений.

Стремление к стабильности проявлялось также и в активной конфессиональной, сословной, политической самоидентификации и самоопределении эмигрантов и их последующем стремлении к консолидации в составе различных общественных структур – политических партий, церковных общин, союзов, обществ, клубов и ассоциаций. Эти процессы отразились в тщательной и глубокой проработке различного рода формальных документов – уставов, программ, обращений, отчётов и деклараций, которые также можно причислить к формальным проявлениям правовой культуры, глубоко укоренившейся в общественном сознании российской диаспоры. Особенно символическими в данном случае являлись персоналии русских юристов и правоведов, а так-

же присущие им профессионально-ролевые статусы: полицейский, адвокат, юрисконсульт, нотариус, воплотившие в себе образы общественной власти и правосудия. Этот феномен ярко проявился на примере русских профессиональных юристов К. Кайдо, М. Второва, А. Саковича, В. Скворцова и других, которые не только являлись судебными деятелями, но и активно участвовали в правозащитной, общественной и благотворительной деятельности.

Прообразом некоего эмигрантского квази-правительства являлось в этот период БРЭМ, отделы которого под контролем японских властей выполняли ряд административно-управленческих функций в отношении бывших русских подданных, не имевших советского гражданства [4].

6-й этап (1945–1950-е гг.). Переход к юрисдикции КНР в Маньчжурии. Он был связан с освобождением от японской оккупации в августе 1945 г. и провозглашением КНР в 1949 г. С августа 1945 по апрель 1946 гг. в Маньчжурии находились советские войска, проводившие операции по разгрому, а затем мероприятия по разоружению японской Квантунской армии.

Как представляется, в этот период в Маньчжурии по-прежнему действовали некоторые правоустанавливающие документы и правовые процедуры предыдущего периода, однако их роль естественным образом уменьшалась под определяющим воздействием на диаспору советского законодательства с одной стороны, и растущей ролью местного права и судопроизводства – с другой.

Подавляющее большинство русского населения Маньчжурии в этот период сочувствовало СССР в его войне с Японией и проявило лояльность новой советской военной администрации. В 1945–1950-х гг. в Харбине действовало "Общество советских граждан", правление которого, кроме прочего, выполняло, как и БРЭМ предыдущего периода, ряд административно-управленческих функций. В 1955–1956-х большинство советских граждан выехали на родину, численный состав диаспоры кардинально сократился. Оставшиеся в Харбине эмигранты определялись в попытках либо адаптироваться к проходившим в КНР изменениям, либо выехать в третьи страны.

После прихода Красной армии диаспора Харбина была подвергнута быстрым и решительным "чисткам" со стороны советских органов госбезопасности и военной контрразведки, действовавших в логике военного времени. Как свидетельствовали в своих воспоминаниях бывшие харбинцы, эмигрировавшие в США – И. Ильин и О. Бакич, ужасающее впечатление сложилось у "патриотически настроенного" населения города от арестов коллаборантов, в числе которых оказались не только все бывшие военнослужащие, члены фашистских организаций и объединений, сотрудники БРЭМ, полиции, судебных органов, но и переводчики с японского языка, некоторые деятели культуры, преподаватели, чиновники и служащие. Усиливало это впечатление безразличное отношение советских властей к личным и гражданским правам эмигрантов, "отсутствие чувства уважения закона, права и свободы личности" [28, с. 89].

Советские спецслужбы и военные администрации хорошо владели информацией о происходившем в Харбине в 1920–1945 гг., а также осознавали тот факт, что в среде эмигрантов было достаточно много откровенных и убежденных идейных противников. Диаспора действительно была подвергнута репрессивным мерам, включавшим осуждение и казнь в 1946 г. шести лидеров фашистской партии и пособников японцев, а также арест и принудительную депортацию в СССР неустановленного количества эмигрантов (по некоторым данным, до 10 тыс. человек), задержанных в полосе отчуждения КВЖД в ходе фильтрационных мероприятий органами НКВД, армейскими и флотскими ОКР "СМЕРШ".

Столкновение бытовавших в то время в общественном сознании Харбина представлений о "праве и справедливости" с советскими реалиями послевоенного периода действительно было шокирующим для многих обывателей, однако далеко не новым в истории диаспоры. Достаточно вспомнить, например, события 1928–1929 и 1935–1937 гг., связанные с провокациями, массовыми арестами и вытеснением советских служащих КВЖД. В логике гражданского противостояния маятник репрессий не падал обе стороны.

В 1945–1946 гг. русская диаспора в Маньчжурии вновь была расколота извне и поляризована по политическому принципу, подвергнута внешней

сепарации и фактически прекратила своё существование к концу 1950-х гг. И для советских, и для новых китайских властей того времени, одинаково боровшихся за социально-политическую монолитность, "полифоническая" и мультикультурная харбинская диаспора представляла собой чужеродное и опасное социальное явление.

Ключевая роль в обеспечении особых условий возникновения и развития русской общины в Харбине принадлежит строительству КВЖД и связанной с ней экономической инфраструктуре, обеспечивавшей развитие Харбина и полосы отчуждения КВЖД как особого паназиатского мультикультурного пространства. Для его устойчивого развития потребовалась система социального и правового регулирования, развивавшегося на основе российских классических административно-правовых и общественных институтов. В различные периоды менялись внешняя юрисдикция и военно-политическое руководство Маньчжурии, однако оставались фактически неизменными та самая "совокупность правил, норм и санкций", которая характеризуется как институциональная среда, обеспечивающая устойчивость социума.

На протяжении всех периодов истории русской общины в Маньчжурии российская правовая культура здесь развивалась с определённой последовательностью и преемственностью, обеспечивавшей устойчивый и компромиссный характер деятельности основных правовых институтов, поддерживаемых обществом и властями. Быстрая и кардинальная смена национальных юрисдикций и политических режимов, принимавших разнообразные властно-распорядительные акты, фактически не затрагивала ключевые сферы правового регулирования и позволяла сохранить основы правовой культуры, привычной для русской части населения Харбина.

По нашему мнению, устойчивость общественно-правовых институтов, действовавших в Маньчжурии в период 1920–1945 гг., определяли следующие факторы:

- компромиссный характер изменений, предполагавший учёт интересов как российской и китайской сторон, так и жителей других стран, проживавших в полосе отчуждения КВЖД;
- преемственность правовых режимов;
- востребованность профессиональных кадров юристов;
- синтез различных правовых практик с вариантами нормативной эклектики;
- сочетание принципов классического правосудия и административно-командных рычагов оперативного управления.

По мнению некоторых иностранных авторов, национальная правовая культура в России традиционно сложилась как "городская" и "не востребованная большинством населения" [26, с. 315]. Опыт русской общины в Харбине, напротив, свидетельствует о приоритетной ценности общественно-правовых институтов в её жизни. Привнесённые из метрополии централизованная система законодательства, правосудия и правоприменения могут рассматриваться в числе необходимых, широко востребованных и поддерживаемых общественных институтов, сформировавших основы правовой культуры русской диаспоры.

Меняющемуся административному и военно-политическому руководству Маньчжурии в различные периоды приходилось учитывать то, что для выживания российской диаспоры, обеспечивающей работу КВЖД и связанной экономической инфраструктуры Северной Маньчжурии, необходимо сохранение социальной стабильности, основанной на привычном и понятном правосознании, правопорядке и правовой культуре.

В результате российская диаспора в Маньчжурии сформировала устойчивую общность, не только сумевшую принять и обустроить в годы русско-японской, а затем в годы гражданской войны в России большую часть беженцев и вынужденных переселенцев, но и обеспечить им базовые правовые гарантии. Это стало возможным благодаря наличию правового пространства, отличавшегося высокой плотностью социальных и культурных институций – школ, вузов, научных учреждений, конфессиональных, общественных и благотворительных организаций, создавших основу для межнационального социально-правового компромисса и позволившего ей не только адаптироваться, выжить и сохранить основы национально-культурной идентичности,

но и внести весомый вклад в развитие межгосударственных связей и межкультурного диалога России и Китая.

Литература / References

1. Аблажей Н. Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.
Ablazhey N. N. From East to East: Russian Emigration in China. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2007. 300 p. (In Russ.)
2. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НП ИД "Русская панорама", 2004. 432 с. URL: https://archive.org/details/2004_20240502 (дата обращения: 02.02.2025)
Ablova N. E. CER and Russian Emigration in China: International and Political Aspects of History (First Half of the 20th Century). Moscow: NP ID "Russkaya Panorama", 2004. 432 p. URL: https://archive.org/details/2004_20240502 (accessed 02.02. 2025) (In Russ.)
3. Аурилене Е. Е., Кротова М. В. Тайная жизнь русского Харбина: Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) против Генконсульства СССР (1934–1945) // Клио. 2019. № 10 (154). С. 38–44.
Aurilene E. E., Krotova M. V. The Secret Life of Russian Harbin: The Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (BREM) versus the USSR Consulate General (1934–1945) // Klio. 2019. No. 10 (154). P. 38–44. (In Russ.)
4. Аурилене Е. Е., Потапова И. В. Русские в Маньчжоу-Ди-Го: "эмигрантское правительство": Монография. Хабаровск, 2004. 128 с.
Aurilene E. E., Potapova I. V. Russians in Manchukuo: "Emigrant Government": Monograph. Khabarovsk, 2004. 128 p. (In Russ.)
5. Бакулина А. А. К вопросу о государственном регулировании положения российских эмигрантов в Маньчжурии (1918–1945 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 1. С. 60–67.
Bakulina A. A. On the Issue of State Regulation of the Situation of Russian Emigrants in Manchuria (1918–1945) // Oikumena. Regional Researches. 2011. No. 1. P. 60–67. (In Russ.)
6. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь: В 68 т. Т. 35, 832 стб., [24] л. ил., портр., цв. карты: ил., карты, портр., табл./ Под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. Репринтное издание. М.: "Терра", 1991. 897 с.
Brockhaus F. A., Efron I. A. Encyclopedic Dictionary: In 68 vol. Vol. 35, 832 columns, [24] p. ill., port., color. maps: ill., maps, port., table. / Ed. by I. E. Andreevsky, K. K. Arsenyev, F. F. Petrushevsky. Reprint edition. Moscow: "Terra", 1991. 897 p. (In Russ.)
7. Весь Харбин. Адресная и справочная книга на 1926 год. Харбин: Типография КВЖД, 1926. 111 с.
All Harbin. Address and reference book for 1926. Harbin: Printing house of the CER, 1926. 111 p. (In Russ.)
8. Высочайше утвержденный устав Общества Китайской восточной железной дороги // Полное собрание законов Российской империи, собрание третье. СПб.: Государственная типография, 1899. Т. XVI. Отд. I. 1896. № 13486. С. 749–757.
The imperially approved charter of the Chinese Eastern Railway Company // Complete collection of laws of the Russian Empire, third collection. St. Petersburg: State Printing House, 1899. Vol. XVI, section I, 1896, No. 13486. P. 749–757. (In Russ.)
9. Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы. Жизнь, нравы и обычаи современного Китая / пер. со 2-го испр. и доп. издания А. и П. Ганзен. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1900. 380 с.
Hesse-Warteg E. China and the Chinese. Life, customs and traditions of modern China / trans. from the 2nd corr. and add. editions of A. and P. Ganzen. SPb.: Publ. A. F. Devrien, 1900. 380 p. (In Russ.)
10. Дацышен В. Г. Китайское население "русского" Харбина в отражении газеты "Харбинский Вестник" в начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 84–91.
Datsyshen V. G. Chinese population of "Russian" Harbin as reflected in the newspaper "Harbin Bulletin" at the beginning of the 20th century // Humanities in Siberia. 2024. Vol. 31, No. 2. P. 84–91. (In Russ.)
11. Друзья А. В., Дударёнок С. М. Институт нотариата на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии (1879–1930-е гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2 (45). С. 76–83.
Druzyaka A. V., Dudarenok S. M. Notary Institute in the Russian Far East and in Manchuria (1879–1930s) // Oikumena. Regional Studies. 2018. No. 2 (45). P. 76–83. (In Russ.)
12. Забияко А. А., Забияко А. П., Лешошко С. С., Хисамутдинов А. А. Русский Харбин: Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2015. 462 с.
Zabiyako A. A., Zabiyako A. P., Levoshko S. S., Khisamutdinov A. A. Russian Harbin: Life-Building Experience in the Conditions of the Far Eastern Frontier. Blagoveshchensk: Amur State University, 2015. 462 p. (In Russ.)

13. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги: 1896–1923 гг. Т. I / По поручению Правления О-ва и под редакцией Специальной Комиссии составил Агент Правления О-ва Е. Х. Нилус. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги и Товарищества "Озо", 1923. 690 с.
Historical Review of the Chinese Eastern Railway: 1896–1923. Vol. I / By order of the Board of the Society and under the editorship of the Special Commission, compiled by the Agent of the Board of the Society E. H. Nilus. Harbin: Printing House of the Chinese Eastern Railway and the Ozo Partnership, 1923. 690 p. (In Russ.)
14. Кротова М. В. Феномен Харбина как полифоничного города // *Historia Provinciae – журнал региональной истории*. 2019. Т. 3, № 2. С. 749–785.
Krotova M. V. The Phenomenon of Harbin as a Polyphonic City // *Historia Provinciae – Journal of Regional History*. 2019. Vol. 3, No. 2. P. 749–785. (In Russ.)
15. Куликова Н. В. Политико-правовое положение россиян в Северо-Восточном Китае (1917–1931 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005. 248 с.
Kulikova N. V. Political and legal status of Russians in Northeast China (1917–1931): dis. ... cand. hist. sciences. Khabarovsk, 2005. 248 p. (In Russ.)
16. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке, 1925–1932. М.: Викмо-М, Русский путь, 2007. 317 с.
Melikhov G. V. Russian emigration in international relations in the Far East, 1925–1932. Moscow: Vikmo-M: Russian way, 2007. 317 p. (In Russ.)
17. Памятная книжка Квантунской области на 1901–1902 год. Порт-Артур: Изд. А. Я. Опарина, 1901. 89 с.
Commemorative book of the Kwantung region for 1901–1902. Port Arthur: Publ. A. Ya. Oparin, 1901. 89 p. (In Russ.)
18. Попов Ф. А. Во власти чужой Фемиды: ликвидация русских судов в Китае в 1920 г. глазами русской общины // *Россия и АТР*. 2017. № 1. С. 82–95.
Popov F. A. In the Power of Someone Else's Themis: The Liquidation of Russian Courts in China in 1920 Through the Eyes of the Russian Community // *Russia and the Asia Pacific Region*. 2017. No. 1. P. 82–95. (In Russ.)
19. Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи. Сборник документов / Сост., авторы введения и комментариев И. В. Лукоянов, Д. Б. Павлов. М.: СПб.: ЦГИПринт, 2018. 522 с.
Port Arthur and Dalniy, 1894–1904: The Last Colonial Project of the Russian Empire. Collection of documents / Comp., authors of the Introduction and Commentaries I. V. Lukoyanov, D. B. Pavlov. Moscow; St. Petersburg: TsGIPrint, 2018. 522 p. (In Russ.)
20. Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / Под общ. ред. В. С. Мясникова. Сост. И. Т. Мороз, В. С. Мясников. М.: Памятники ист. мысли, 2004. 694 с.
Russian Chinese Contractual and Legal Acts. (1689–1916): [Collection] / Under the general editorship of V. S. Myasnikov; [Comp. I. T. Moroz, V. S. Myasnikov]. Moscow: Monuments of History. thoughts, 2004. 694 p. (In Russ.)
21. Салогуб Я. Л., Казанцев В. П. Железнодорожная концессия 1898 года как фактор колониальной экспансии России в Китае // *Общество и государство в Китае*. 2014. Т. 44, № 14–1. С. 444–452.
Salogub Ya. L., Kazantsev V. P. The Railway Concession of 1898 as a Factor in Russia's Colonial Expansion in China // *Society and State in China*. 2014. Vol. 44, No. 14–1. P. 444–452. (In Russ.)
22. Салогуб Я. Л. Российское правосудие с маньчжурской спецификой: деятельность следственных органов в зоне российского присутствия в Маньчжурии (1896–1906 гг.) // *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития: Материалы XXI международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2024 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. С. 401–404.*
Salogub Ya. L. Russian Justice with Manchu Specifics: Activities of Investigative Bodies in the Zone of Russian Presence in Manchuria (1896–1906) // *State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects: Proceedings of the XXI International Scientific and Practical Conference*. In 2 parts, St. Petersburg, April 18–19, 2024. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. P. 401–404. (In Russ.)
23. Салогуб Я. Л., Мозгонов Е. А. Российские суды в Маньчжурии: проблемы создания и функционирования (1896–1906 гг.) // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2022. Т. 1, № 3 (102). С. 56–69.
Salogub Ya. L., Mozgonov E. A. Russian courts in Manchuria: problems of creation and functioning (1896–1906) // *Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev*. 2022. Vol. 1, No. 3 (102). P. 56–69. (In Russ.)
24. Смирнов С. В. Эволюция российской диаспоры в Северо-Восточном Китае (конец XIX – середина XX в.) // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 49–65.
Smirnov S. V. Evolution of the Russian diaspora in Northeast China (late 19th – mid-20th centuries) // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, No. 1. P. 49–65. (In Russ.)
25. Сугибин В. А. Гражданское, торговое и семейное право КНР. М.: Приор, 2008. 843 с.

- Sugibin V. A. Civil, commercial and family law of the PRC. Moscow: Prior, 2008. 843 p. (In Russ.)
26. Таскина Е. П. Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Е. П. Таскиной. 2-е изд. М.: МГУ, 1998. 349 с.
Taskina E. P. Russian Harbin / compiled, foreword. and comment. E. P. Taskina. 2nd ed., rev. and additional M.: MSU, 1998. 349 p. (In Russ.)
27. Уортман Ричард С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 515 с.
Wortman, Richard S. Rulers and judges: the development of legal consciousness in the imperial Russia. M.: New lit. review, 2004. 515 p. (In Russ.)
28. Хисамутдинов А. А. Русский юридический факультет в Харбине // Право и образование. 2016. № 3. С. 105–113.
Khisamutdinov A. A. Russian Faculty of Law in Harbin // Law and Education. 2016. No. 3. P. 105–113. (In Russ.)
29. Черникова Л. П. Депортация русских эмигрантов в 1945–1946 годах // Проблемы востоковедения. 2016. № 2 (72). С. 86–91.
Chernikova L. P. Deportation of Russian emigrants in 1945–1946 // Problems of Oriental Studies: 2016. No. 2 (72). P. 86–91. (In Russ.)
30. Чечелев С. В. Суд и судоустройство на арендованных территориях России в Маньчжурии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Омского университета. Серия "Право". 2005. № 3 (4). С. 15–22.
Chechelev S. V. Court and judicial system in the leased territories of Russia in Manchuria in the late 19th – early 20th centuries // Bulletin of Omsk University. Series "Law". 2005. No. 3 (4). P. 15–22. (In Russ.)
31. Чи Юйчао. Русское высшее образование в Китае в первой половине XX в. (на примере Юридического факультета в Харбине): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2022. URL: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/23c/gsl2utvpvqgifnc57lxesratn11dqo4b/Chi%20Yuchao%20диссертация.pdf> (дата обращения: 02.02.2025)
Chi Yuchao. Russian higher education in China in the first half of the 20th century (on the example of the Law Faculty in Harbin): dis. ... Cand. of History. Sciences. Vladivostok, 2022. URL: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/23c/gsl2utvpvqgifnc57lxesratn11dqo4b/Chi%20Yuchao%20dissertation.pdf> (accessed 02.02. 2025) (In Russ.)

Информация об авторе

Андрей Викторович Друзьяка, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин, Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия, e-mail: druzyaka12@mail.ru

Information about the author

Andrey V. Druzyaka, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Special Historical Disciplines, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia, e-mail: druzyaka12@mail.ru

Поступила в редакцию 15.10.2024

Одобрена после рецензирования 16.11.2025

Принята к публикации 27.11.2025

Received 15.10.2024

Approved 16.11.2025

Accepted 27.11.2025